

Это моё резюме. Тут должен быть текст, поэтому я написал здесь текст.

Далее - я вставляю текст скороговорки “Лигурия” много-много раз

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокола-дроворуба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокола-дроворуба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дровору́ба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жужелица, жужжит, да кружится.

Была у Фрола — Фролу на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колокола не переколоковать, не перевыколоковать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокола-дроворуба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокола-дроворуба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокола-дроворуба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовáть, не перевыколоколовáть, так и всех скороговорок не перескорогоговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовáть, не перевыколоколовáть, так и всех скороговорок не перескорогоговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокола-дроворуба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокола-дроворуба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовáть, не перевыколоколовáть, так и всех скороговорок не перескорогоговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жужелица, жужжит, да кружится.

Была у Фрола — Фролу на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колокола не переколоковать, не перевыколоковать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жужелица, жужжит, да кружится.

Была у Фрола — Фролу на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колокола не переколоковать, не перевыколоковать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали. А потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюёром интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто, рапортовал, да не дорапортовал, дорапортывал, да так зарапортовался про размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе.

Где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: «Не кури турка трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи», а то придёт бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл. Но на самом деле турка не был в деле.

Да и Клара к крале в то время кралась к ларю, пока Карл у Клары кораллы крал, за что Клара у Карла украла кларнет, а потом на дворе деготниковой вдовы Варвары два этих вора дрова воровали. Но грех — не смех, не уложить в орех: о Кларе с Карлом во мраке все раки шумели в драке; вот и не до бомбардира ворам было, и не до деготниковой вдовы, и не до деготниковых детей.

Зато рассердившаяся вдова убрала в сарай дрова: раз дрова, два дрова, три дрова — не вместились все дрова. И два дровосека, два дровокóла-дроворúба для расчувствовавшейся

Варвары выдворили дрова вширь двора обратно на дровяной двор, где цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла.

Цыпленок же цапли цепко цеплялся за цепь; молодец против овец, а против молодца сам овца, которой носит Сеня сено в сани, потом везёт Сеньку Соньку с Санькой на санках: санки скок, Сеньку — в бок, Соньку — в лоб, все — в сугроб, а Сашка только шапкой шишки сшиб. Затем по шоссе Саша пошёл, Саша на шоссе Саше нашёл.

Сонька же — Сашкина подружка — шла по шоссе и сосала сушку, да притом у Соньки-вертушки во рту еще и три ватрушки — аккурат в медовик, но ей не до медовика. Сонька и с ватрушками во рту пономаря перепономарит, перевыпономарит: жужжит, как жу́желица, жужжит, да кру́жится.

Была у Фрола́ — Фролу́ на Лавра наврала, пойдёт к Лавру — на Фрола́ Лавру наврёт, что — вахмистр с вахмистршей, ротмистр с ротмистршей, что у ужа — ужата, а у ежа — ежата, а у него высокопоставленный гость унёс трость, и вскоре опять пять ребят съели пять опят с полчетвертью четверика́ чечевицы без червотчины и тысячу шестьсот шестьдесят шесть пирогов с творогом из сыворотки из-под простокваши.

О всём о том около кола колокола звоном раззванивали, да так, что даже Константин — зальцбургский бесперспективняк — из-под бронетранспортера констатировал: как все колоколá не переколоколовать, не перевыколоколовать, так и всех скороговорок не перескороговорить, не перевыскороговорить; но попытка — не пытка.

